

В. К. Кельмаков (Ижевск)

Диалектное и литературное в языке рукописного частушечного сборника полувековой давности

Относительно недавно в мои руки попал рукописный сборник частушек под названием «**разный уд. кырзаныёс**» “Различные уд[муртские] песни”¹, вынесенным в начало первой страницы самодельной книжицы. Непронумерованные листы (всего 25) этой книжицы размером 17 x 12,8 см., разрезанные из школьных тетрадных листов различной разлиновки, вложены в твердый переплет какой-то старой книги небольшого формата и прошиты (один из них – нечетный – приклеен). На внутренней стороне твердой обложки нарисованы полихромные стилизованные цветы и над ней столбиком записаны инициалы составителя сборника **Б. Г. К.**, т. е. Байкеева Гильзипа Кельмаковна.

Ныне покойная Г. К. Байкеева (фамилия после замужества Павлова) родилась в 1934 г. в д. Верхняя Юмья Кукморского района Татарской АССР. Получила семиклассное образование в Ошторма-Юмьинской средней школе, где в период ее учебы и даже несколько позднее все учебные предметы до 7 класса включительно велись полностью на удмуртском языке. После замужества некоторое время жила у мужа в д. Верхний Кузьмесь, что в 12 км. от ее родной деревни, затем с семьей в г. Гремячинске Пермской области, позднее, разведенная с мужем, с двумя детьми проживала в п. Кизнер (центр одного из районов Удмуртской Республики). В 1997 г. переехала к дочери в г. Ижевск и вскоре умерла.

Записи частушек начаты ею, по всей вероятности, в самом начале 50-х гг., когда она до замужества работала на валяльно-обувной фабрике в пос. Кукмор, а в выходные дни приезжала домой, выходила на гулянку деревенской молодежи. Точное время составления сборника неизвестно; судя по почерку, разнообразию чернил и – самое главное – наличию повторов

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект № 05-04-80400а/У).

¹ Смещение частушек с песнями на территории проживания удмуртов Республики Татарстан имеет объективные основания: для фольклора большинства носителей периферийно-южных говоров, в том числе и кукморского, характерны лишь короткие, четырехстрочные, песни, весьма напоминающие собой частушки. О некоторых отличительных особенностях их (в сравнении с частушками) см.: [Смирнов-Кутачевский 1936].

частушек, это длилось не один год. К счастью, две последние удмуртские частушки внесены другой рукой и подписаны Семёно (Семеновым или Семеновой) с указанием места и времени записи – Кукмор. ком. 13 “а” 15/XII 54., т. е. последние записи удмуртских частушек произведены 50 с лишним лет тому назад. По крайней мере составление сборника начато более чем полвека назад. Известно и место, где произведены записи материалов, – это родная деревня собирательницы Верхняя Юмья и ее окрестности, т. е. территория распространения кукморского говора удмуртского языка.

В сборник включено всего 211 пронумерованных частушек на трех языках, однако после вычета повторов удмуртских произведений эта цифра несколько снижается: частушек на удмуртском языке – 163, на татарском – 25 и на русском – 9, т. е. всего на трех языках – 197 номеров текстов. 163 удмуртские частушки – это, естественно, крайне далеко до полноты отражения местного частушечного репертуара; да книжка и не претендует на эту полноту. К тому же сборник по своему материалу не совсем однороден, ибо в нем, помимо народных частушек местного происхождения и узколокального распространения, выявляется определенный пласт книжных заимствований, в определенной степени неизвестно кем (составителем сборника?) переделанных. Так, к примеру, “частушка”:

72 (98). *шулдырьесь дыръёсы²
сэзьятїд кышетдэ,
паськытэсь шуръёсын
миськылїд бамъёсдэ.*

– ‘В веселые времена // Взмахнула платком, // В широких реках // Мыла щеки свои’ – явно кем-то (собирателем?) составлена по размеру и ритмике широко известного стихотворения Ашальчи Оки “Вордїськем шаермы” (‘Наш край родимый’).

Или же сравним две частушки: одна из рассматриваемого рукописного сборника, а вторая – из книги “Удмурт калык кырзәнъёс (ныльчуръёс)” (Ижевск, 1936. С. 143):

124 (158). <i>чебер. җыжыт горд бамоесь</i>	Красивые, с румяными красными щеками.
<i>тöды дэрем дйсяллям.</i>	Белые рубашки надели.
<i>чыж галстукен, туж визьмоесь</i>	При красном галстуке, очень умные
<i>яратонъёсмы милям.</i>	Любимые наши’.

1082. <i>Чебер. җыжыт ой бамоесь</i>	‘Красивые, румяно- ой щеки.
<i>Тöды дэрем дйсяллям.</i>	Белые рубашки надели.
<i>Җыж галстукен, вешамонэсь</i>	При красном галстуке, достойные ласки
<i>Пионеръёсмы милям.</i>	Пионеры наши’.

² При цитировании частушек полностью сохраняется графика и орфография сборника. Первая цифра (из двух) при частушках и приведенных цитатах означает номер, который получила частушка после вычетов русско- и татароязычных произведений, а цифра в скобках – это тот номер, под которым снабдила частушку собирательница.

Что касается второго, то это один из образцов типичных советизмов, десятками и сотнями составленных в 30–40-е годы удмуртскими поэтами и собирателями частушек. В частушке из рукописного сборника (текст 124 (158)) слово *яратонъёсмы* 'наши любимые, наши зазнобы' употреблено вместо слова *пионеръёсмы* 'наши пионеры' первичного литературного варианта, и в связи с этим получился комический эффект: розовощекий, достойный ласки "пионер" в белой рубашке и с красным галстуком превратился в "любимого парня", сохранившего при этом почти все атрибуты пионера.

Не местное происхождение имеет и частушка под номером 122 (156):

<i>Шур ёр'ёсы ву люкасыке</i>	'Русла рек водой наполняются,
<i>Гурезыысь ву быземен.</i>	Оттого что вода с горы бежит.
<i>шудонмылэн та шулдырез</i>	Веселье на нашей гулянке,
<i>музйканчи луэмен.</i>	Оттого что имеется гармонист'.

ибо конструкции *гурезыысь ву быземен* 'оттого что вода с горы бежит' и *музйканчи луэмен* 'оттого что гармонист имеется' не характерны для кукморского говора. Она скорее представляет собой местную (или собственно авторскую) переработку книжного текста, один из вариантов которого мне удалось обнаружить в вышеназванном печатном сборнике под номером 1048:

<i>Шур ёр'ёсы ву люкасыке</i>	'Русла рек водой наполняются,
<i>Гурезыысь ву быземен.</i>	Оттого что вода с горы бежит.
<i>Улонмылэн тыр шулдырез</i>	Полнота веселья нашей жизни,
<i>Сталин эш кивалтэмен.</i>	Оттого что товарищ Сталин руководит.

И еще один явный советизм, который, имея литературное происхождение, употреблялась молодежью в хороводах, весьма популярных в сельской жизни удмуртов Кукморского района в 50-е годы:

114 (148). *Шур кожъёсы ум кожылэ
вае шонер выжсоме,
Ленин сюрес – одйг сюрес
нокуд пала ум коже.*

'В заводи рек не будем сворачивать, // Давайте прямо переправимся. // Ленинский путь – один единственный, // Ни в какую сторону не свернем'.

Было бы, разумеется, очень интересно продолжить анализ этих частушек со стороны фольклористики, однако это особая тема для исследования, в данной же статье основное внимание будет обращено на совершенно не исследованный в удмуртской филологии вопрос о том, как соотносятся в фольклорном тексте (в данном случае в частушках), собранных и записанных не специалистом-фольклористом, нормы литературного языка и особенности местного говора. К тому же следует заметить, что кукморский говор, на территории распространения которого зафиксированы данные произведения фольклора, имеет ярко выраженные специфические особенности на всех уровнях языковой системы, существенно отличающие его от литературного удмуртского языка. И эти особенности в той или иной

степени получили отражение в записях Г. К. Байкеевой. Заранее следует оговориться, что употребление заглавных и строчных букв, а также расстановка знаков препинания не соответствуют принятым в литературном языке правилам; что же касается остальной части орфографии, то в этой области собирательница оказалась весьма грамотной – в 163 удмуртских частушках явных орфографических ошибок оказалось около десятка: *эсене* (34) 'намерение мое' (удм. лит. *эсэне*), *откынэз* (59) 'из хитрых' (удм. лит. *откынэз*), *италма* (65) 'купальница европейская' (ср. *италмас* – 152; кстати, это слово для кукморского говора не характерно, его диалектным эквивалентом является форма *чалмачача*), *тунне* (109) 'сегодня' (удм. лит. *туннэ*), *адзи* (118) 'я увидела' (удм. лит. *адзи*), *ось кари* (143) 'поступила назло' (удм. лит. *ош кари*), *пусьон* (153) 'сидение' (удм. лит. *туксён*), *сёд* (157) 'черный' (удм. лит. *сьод*) и нек. др. Большинство же «орфографических» отклонений от литературной нормы получает удовлетворительное объяснение с учетом фонетических и частично морфологических особенностей родного диалекта собирательницы. Вот некоторые из фонетических явлений, получивших отражение в текстах сборника.

1. В области вокализма

1. Характерной особенностью кукморского говора является сохранение праудмуртской фонемы *ü*, которая в литературном языке в абсолютном большинстве случаев совпала с фонемой *y*. В 163 частушках обнаружено всего 76 слов с фонемой *ü* (включая и повторы отдельных корней). Но поскольку в литературном алфавите нет особой буквы для обозначения данной диалектной фонемы, то для ее фиксации использованы в сборнике две буквы:

1) буква **у** (65 случаев): ср.: *кузь* (кукм. *күз*) 'длинный' (5, 17, 94), *гумыр(-)* (кукм. *гүмър*) 'жизнь человека от рождения до смерти' (17, 100), *тубы-* (кукм. *түбь-*) 'подниматься, идти вверх' (15, 25, 36, 118, 140, 155, 161), *уры-* (кукм. *үрь-*) 'полоть' (23), *усьы-* (кукм. *үс'ь-*) 'падать, свалиться, упасть' (43 – 2 раза, 101, 128, 139), *учкы-* ~ *уськы-* (кукм. *үс'кь-*) 'смотреть' (44, 54, 97, 110, 126, 140, 151 – 2 раза) и т. д.;

2) буква **ы** (3 случая): *гырбиян* (кукм. *гүрбийан*) 'неприветливый, недружелюбный' (87), *сьысьтыл* (кукм. *с'үс'тыл*) 'свеча' (86), *ыром* (кукм. *үром*) 'любимый, любимая, зазноба' (16) и др.;

3) колебание в употреблении букв **у** и **ы** (2 корня): *гыль* (кукм. *гүл*) 'комнатный цветок' (19, 64) ~ *гуль-* (67); *кыдёке* 'далеко, вдаль', *кыдёкын* 'далеко, вдали' (кукм. *күд'ок-*) (89, 128, 137 – 2 раза) ~ *кудёкын* (163).

В отношении последнего корня (*кыдёк-*) следует заметить, что, во-первых, написание через **ы** спровоцировано литературной орфографией, во-вторых, форма *кудёк-* встречается лишь в частушке, вписанной в сборник другим человеком. В целом же буква **ы** на месте диалектной фонемы *ü* выступает в исключительных случаях: чаще всего в словах с нелитературным оттенком (*гырбиян*, *ыром*, *гыль*) или под влиянием литературной орфографии (*кыдёк-*).

2. Характерный для кукморского говора *ь* – заднерядный и несколько более краткий вариант фонемы *ы* (= удм. лит. *ы*) – обозначается, как правило, буквой *ы*; однако в трех корнях обнаруживается пропуск этой буквы перед сонорным звуком: 1) в слове *тло* (удмуртское наименование д. Верхняя Юмья – *тыло*) (16, 36, 51, 58) ~ наряду с *тыло* (11, 145); 2) *сабр* 'покой, спокойствие; терпение' (88 – 2 раза) (< тат. *сабыр* 'терпение, выдержка, сдержанность, выносливость'); 3) *сагнод* 'соскучишься, затоскуешь, загрустишь' (163) (< тат. *сагыну* 'скучать, соскучиться, тосковать'). Правда, в последнем случае выпадение *ы* скорее обусловлено фонотактическими причинами – для устранения лишнего слога, ср.: (163 (203)) *Сагнод али мӧзмод али // Ми луомы кудӧкын*. 'Будешь скучать и тосковать, // Мы же будеми далеко'.

3. В случае корреспондирования кукм. *ь* (= удм. лит. *ы*) // удм. лит. *у* (< праудм. *у) в сборнике предпочтительно употребляется литературная форма с буквой *у* или *ю* (после палатальных согласных) (всего 24 формы), ср.: *скорес* (кукм. *с'ърэс*) 'дорога, путь' (5, 114 – 2 раза, 145); *шуд(ы)-* (кукм. *шӧд(ь)-*) 'играть, веселиться; гулять; водить хороводы' (25, 36, 56, 62 – 3 раза, 66, 73, 77, 85, 87, 91, 117, 122, 146); *пун(ы)-* (кукм. *пӧн(ь)-*) 'вить, сплестать' (96, 109, 121, 125 – 2 раза). Лишь одну форму Г. К. Байкеева записала буквой *ы*: *пынэм* (кукм. *пӧнэм*) 'сплетенный' (121), причем в этой же частушке наличествует другая форма этого же корня с *у*: *пуныны* 'вить, сплестать'.

4. В кукморском говоре гласный *ь* в позиции перед палатальным согласным переходит в *и*, однако в большинстве случаев (в 4 из 7) в указанной позиции употреблена в сборнике буква *ы*, как и в литературном языке: *выль* (кукм. *вил'*) 'новый' (52), *кызьпу-* (кукм. *кис'пъ*) 'береза' (82, 87), *бызь(ы)-* (кукм. *биз'(ь)-*) 'бежать, течь' (122). Лишь в трех случаях запись вышеприведенных двух корней соответствует местному произношению: *вить* (1) и *кисьпу(-)* (76, 100).

5. Гласный *-ь* конца двусложной именной основы чередуется с *и*, возникающим перед *й* суффиксального слога, в то время как в литературном языке этот *-ы* сохраняется. В большинстве случаев (в 13 из 18) соответствующие формы записаны в литературном варианте (*чиньяд* 'на твоём пальце' (27, 110), *чыртыад* 'на твоей шее' (47), *тылыгыз* 'его перо' (78), *узые* 'моя земляника' (92) *пучыясъкоз* 'распустит почки' (113) и др.); меньшая часть форм (всего 5) соответствует нормам диалекта, ср.: *кайгмез* 'его горе' (35), *палзъпулэн выжсиосаз* 'под рябинами' (69), *капка выжсияз* 'у его ворот' (69), *чиниям* 'на моем пальце' (80), *чиртйысыкыз* 'с ее шеи' (126).

II. В области консонантизма

6. В кукморском говоре вышли из употребления велярные аффрикаты *жс* и *чй*, заместившиеся в зависимости от фонетических позиций различными согласными.

6.1. В позиции перед *-Гжс(-)* и *-Гшч(-)* анлаутные *жс-* и *чй-* заместились палатальными аффрикатами (*ж-* и *ч-*) или палатальными смычными (*д'-* и *т'-*);

однако в фиксации фонем *жс*- и *ч*- в данной позиции тексты обнаруживают полное, пока ничем не объяснимое, отсутствие параллелизма:

а) слова с первичным анлаутным *жс*- (> кукм. *э*-) во всех без исключения формах записаны в литературном варианте: *жсужыт*(-) (кукм. *эужыт*) 'высокий' (4, 61, 68, 86, 100, 107, 144), *жсужа*- (кукм. *эужа*-) 'восходить, подниматься' (93 – 2 раза, 94) – всего 10 случаев;

б) слова с первичным анлаутным *ч*- (кукм. *ч*-) в абсолютном большинстве случаев, напротив, записаны в соответствии с диалектным произношением: *чоже* (лит. *чоже*) 'в течение' (133), *чошка*- (лит. *чошка*-) 'выровняться' (46), *чошкыт* (лит. *чошкыт*) 'ровный' (145), *чуж*(-) (лит. *чуж*) 'желтый' (46, 59, 65, 91, 121, 125, 129, 151, 152, 153, 157), *чыж*(-) (лит. *чыж*(-)) 'румяный' (18, 35, 41, 71, 124, 147) – всего 20 случаев. И лишь одна форма записана по нормам литературного языка – *чыжыт* 'румяный' (124).

6.2. В других случаях, т. е. при отсутствии вышеуказанного условия, аффрикаты *жс* и *ч* в кукморском говоре перешли в щелевые – соответственно *ж* и *ш* (глухая аффриката – изредка в *ч*); однако в сборнике формы с указанными аффрикатами в абсолютном большинстве случаев записаны – вопреки произношению – в соответствии с литературными нормами:

а) *жсутон* (кукм. *жсутон*) 'возведение' (1), *жсыт*(-) (кукм. *жыт*) 'вечер' (3, 8, 77, 98, 109, 150, 156, 158), *жсынйнь* (кукм. *жытйнь*) 'с половинкой' (34), *жсуа*- (кукм. *жуа*-) 'гореть' (150) – всего 10 форм. Отклонение в сторону диалектного произношения выявлено в слове: *жуа*- (22, 82). Стремление зафиксировать слова с *э* в литературной форме настолько было сильно у собирателя, что в одном случае обнаруживаем гиперкорректную аффрикату на месте щелевого *жс*: *жсаг турын* (лит. *жагтурын* ~ кукм. *жактурьм*) 'сорняк' (23);

б) *чук* (кукм. *шук* ~ *чук*) 'утренний' (8), *чок-чок* (кукм. *шок-шок*) – звукоподражание шелканью соловья (153), *кыче*(-) (кукм. *кышэ*) 'какой' (68, 160), *таче* (кукм. *ташэ*) 'такой (этот)' (62), *сычэ* (кукм. *ышэ*) 'такой (тот)' (160), *учы*(-) (кукм. *ушь*) 'соловей' (103, 117, 153) – 9 случаев. Отклонения от литературной нормы: *чукна* 'утро, утром' (103), *чапак* 'как раз' (123), *учы* (163), *шеш* ~ *чеш* 'часто' (99) – 5 форм; причем, частушки с последними тремя формами были написаны другим почерком.

7. Инлаутная аффриката *ч* в позиции перед последующим глухим согласным заменяется щелевым *с'*. В текстах зафиксированы обе формы, причем, форм с *ч* (лит.) втрое больше, нежели с *с'* (диал.), ср.: *учк(ы)*- (кукм. *уск(ь)*-) 'смотреть' (44, 54, 97, 110, 140), *эуч сын*- 'гребешок (полукруглой формы)' (45) ~ *уск(-)* (126, 151 – 2 раза).

8. Весьма яркой фонетической чертой кукморского говора является деканье, т. е. замещение анлаутного *й*- палатальными *д'*- или *ж*-. В целом сборнике при сплошной выборке обнаружено 67 случаев употребления в бытовой речи анлаутного *й*-, из них в 65 случаях употребление *й*- в текстах частушек соответствует литературной норме, ср.: *йыл*- (кукм. *д'ыл*, *жыл*)

'верхушка' (4, 29, 61, 68, 100, 118, 144, 158, 163), *ярат(ы)-* (кукм. *д'арать-, жарать-*) 'любить' (12, 22, 24 – 2 раза, 26 и т. д.), *йыр-* (кукм. *д'ър, жър*) 'голова' (24, 44, 46, 49, 96, 109 и т. д.) и др. И лишь один корень два раза употреблен в диалектном произношении с инициальным *ж*:- *жат* 'чужой, посторонний' (13, 48) (< тат. *ят* 'чужой, чуждый, посторонний, незнакомый; инородный').

9. Корневое сочетание *-рСС-* по нормам кукморского говора стягивается в *-рС-*, что и нашло отражение в следующих формах, встречающихся в частушках: *керт(ы)-* (лит. *кертты-*) 'завязать, повязать, связать' (6, 49, 56, 74 – 2 раза, 91, 142), *орчы-* (лит. *ортчы-*) 'проходить' (86), *курч(ы)-* (лит. *куртчы-*) 'укусить' (126) – всего 9 случаев. Наряду с этим в 5 случаях корни с вышеназванным сочетанием записаны по нормам литературного языка: *ортчы-* (76, 98, 109), *куртч(ы)-* (93), *мертты-* 'садить, посадить' (144). Впрочем, последнее слово само является книжным заимствованием, для кукморского говора оно не характерно.

10. Палатализация согласных *н, д* и *т* в позиции после переднерядного узкого гласного *и*, характерная для многих южных говоров, в том числе кукморского, нашла отражение в частушках в весьма ограниченном количестве случаев (причем, только *н > н'*), напр.: *иньм-* (лит. *инм-*) 'небо' (25), *синьм-* (лит. *синм-*) 'глаз, глаза' (51, 131, 138), *олокинь-* (лит. *олокин*) 'некто, кто-то' (116), *огине* (лит. *огинэ*) 'воедино, вместе, кучно' (136), *чосійнька-* (лит. *чосонки*) 'чесанки' (141) – 7 случаев. В остальных 26 случаях (из них 2 случая с *т*) палатальность зубных согласных после *и* на письме в полном соответствии с нормами литературного произношения не отмечена, напр.: *кин* 'кто' (4, 37 – 2 раза), *син(-)* (18 – 2 раза, 19, 50, 102, 118, 128 – 2 раза, 144, 157), *пинал* (кукм. *пин'ал*) 'молодой, юный' (54, 59, 60, 71, 100, 103, 133, 150), *сатин* (кукм. *сатин'*) 'сатин, сатиновый' (63, 102), *кебит-* (кукм. *кебит'*) 'магазин' (53, 111).

Способ отражения вышерассмотренных фонетических явлений – в соответствии с нормами литературного языка или в тех вариантах, каковые свойственны кукморскому говору, может быть представлен в следующей сводной таблице:

№ п/п	Фонетические явления кукморского диалекта и способы их фиксации	По нормам лит. языка		По нормам кукм. говора	
		в цифрах	в %	в цифрах	в %
1	Наличие фонемы <i>й</i> – запись как <i>у</i> (лит.) или <i>ы</i> (диал.)	73	93,7	5	6,3
2	Пропуск <i>ы</i> в соответствии с кратким произношением в кукморском говоре			6	
3	Употребление <i>ы</i> на месте литературного <i>у</i>	24	96,0	1	4,0
4	Переход <i>ы</i> в <i>и</i> в позиции перед палатальными согласными	4	66,7	2	33,3

Пермистика XI:

Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками

5	Переход гласного конца двусложной основы -ы в -и- перед й суффиксального слога	13	72,3	5	27,7
6	Употребление аффрикат:				
6.1	а) Переход <i>йс</i> -> <i>э</i> - в позиции перед -Гж(-) и -Гш(-)	10	100,0	-	-
	б) Переход <i>й</i> -> <i>ч</i> - в позиции перед -Гж(-) и -Гш(-)	20	95,2	1	4,8
6.2	а) Переход <i>йс</i> -> <i>ж</i> - при отсутствии вышеуказанного условия	10	83,3	2	6,7
	б) Переход <i>й</i> > <i>ш</i> (или <i>ч</i>) при отсутствии вышеуказанного условия	9	64,2	5	35,8
7	Переход инлаутного <i>ч</i> > <i>с'</i> перед последующим согласным	6	75,0	2	25,0
8	Переход анлутного <i>й</i> -> <i>д'</i> , <i>э</i> -	65	97,0	2	3,0
9	Стягивание сочетания - <i>рСС</i> - в - <i>рС</i> -	5	35,8	9	64,2
10	Палатализация <i>н</i> (<i>т</i>) > <i>н'</i> (<i>т'</i>) после <i>и</i>	26	92,8	7	7,2
ИТОГО			84,3		15,7

На основе вышесказанного и сводных данных таблицы можно прийти к следующему – возможно, предварительного характера – выводу.

1. Формы с ярковыраженными диалектными особенностями в области фонетики (морфологические особенности текстов в данной работе не рассмотрены) в общей сложности лишь в 15,7 % случаев зафиксированы с отклонением от литературной нормы (в соответствии с диалектным произношением), в абсолютном же большинстве случаев (84,3 %) запись произведена по нормам литературного языка.

2. Составительница сборника Г. К. Байкеева обладала относительно хорошей грамотностью в письме на удмуртском языке и неплохо владела нормами письменной формы удмуртского литературного языка. В этом заключается одна из причин игнорирования составительницей сборника диалектных особенностей произношения в пользу литературных орфоэпических норм. Для сравнения считаю уместным привести запись удмуртской частушки, произведенную в той же самой деревне, но несколько позднее и менее грамотным человеком. В этой записи содержатся, помимо орфографических ошибок и описок (*асме* вм. *асьме* 'наш', *гур* вм. *гурт* 'деревня'), очень четко и полно сохраненные фонетические особенности диалекта (*чуж* вм. лит. *чуж* 'желтый', *өз зет* вм. лит. *өз йот* 'не досталось', *зат* вм. лит. *ят* 'чужой', *пиёс* вм. *пиос* 'парни', *зэралоз* вм. лит. *яралоз* 'сойдет, сгодится'):

*Чуж кышет но өз зет ини
вож кышет но но өз зет ини.
Зат гурт пиёс өз зет ини.
Асме гур но зэралоз.*

'Желтый платок [мне] уж не достался, // Зеленый платок [мне] не достался. // Парень из другой деревни [мне] не достался. // Наш деревенский уж сойдет'.

3. Письменная форма литературного языка, по-видимому, обладала в 50-е гг. истекшего столетия на территории распространения кукморского говора исключительным авторитетом, поддерживаемым не только школьным преподаванием удмуртского языка, но и наличием подписки на периодические издания на удмуртском языке: газету "Советская Удмуртия" и журнал "Молот". И не случайно собирательница частушек все диалектные формы вопреки произношению пыталась привести в соответствие с литературными нормами.

4. Рукописный сборник в целом имеет исключительную ценность для удмуртской фольклористики, ибо содержащийся в нем материал относительно точно локализован не только во временном отношении, но и в территориальном; и более полное исследование его как с содержательной стороны, так и в отношении языковом способно обогатить некоторыми выводами не только удмуртскую фольклористику, но и языкознание, хотя бы в плане выявления функций удмуртского литературного языка в ареале распространения диалекта, территориально изолированного и в языковом отношении весьма удаленного от его норм.

В заключение, пользуясь случаем, я бы хотел обратиться к студентам, выезжающим на фольклорную и диалектологическую практику, литературоведам, фольклористам и ко всем читателям с нижайшей просьбой собирать и хранить (у себя или лучше всего в соответствующих музеях и институтах!) рукописные сборники песен, которые в массовом порядке составлялись и составляются в наших деревнях, ибо они также являются элементами нашей духовной культуры³, и по сему представляют огромный интерес для исследователей. Я со светлой завистью вспоминаю посещение Литературного музея Эстонии в Тарту, где бережно хранятся и с различных позиций изучаются рукописные песенники XVIII–XX вв.

Список литературы

Смирнов-Кутачевский, А. М. Удмурт ньльчур кырзан'ёс но частушкаос / А. М. Смирнов-Кутачевский // Удмурт калык кырзан'ёс (Ньльчур'ёс) / Дасяз М. Петров. – Ижевск: Удгиз, 1936. – 24-30-тй б.

Шушакова, Г. Н. Рукописные песенники как факт национальной культуры / Г. Н. Шушакова // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Кудымкар: Алекс-Принт, 2005. – С. 305-307.

³ Статья Г. Н. Шушаковой [2005] является, пожалуй, первой и единственной работой, обращающей внимание удмуртских филологов на этот феномен.